

Российское товарищество выпускников
Института перспективных российских исследований им. Д. Кеннана
Товарищество участников программы «Фулбрайт»
(Senior Fulbright/JFDP)

Товарищество участников программ АЙРЕКС
(Regional Scholars/Contemporary Issues)

Товарищество участников программ АСПРЯЛ
(Regional Scholars/Contemporary Issues)

Программа USIA «Летние институты американистики»
Межрегиональное общественное объединение участников
научных, культурных и образовательных
программ сотрудничества с США
«ПРОФЕССИОНАЛЫ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО»

ПРОФЕССИОНАЛЫ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО

ВЫПУСК 2

Москва
«Янус-К»
1998

П85

Профессионалы за сотрудничество.—М.: Янус-К, 1998.—380 с.

ISBN 5-8037-0019-3

Внимание читателя предлагается **второй выпуск** ежегодного сборника материалов, представленных участниками научных, культурных и образовательных программ сотрудничества России и США. Из всех конференций, проведенных в истекшем 1997 году товариществами выпускников российско-американских программ, в **первую часть** настоящего сборника включены тексты основных докладов и обработанные стенограммы обсуждений конференции «*Национальные отношения в Российской Федерации*», состоявшейся в Суздале с 27 по 30 июня 1997 г. **Вторая часть** сборника содержит три научных статьи, подготовленные по итогам полученных грантов. В **третьей части** собраны воспоминания участников программ об их жизни в США. Наконец, **четвертая часть** книги представляет официальную информацию об обменных конкурсах основных научных, культурных и образовательных программ российско-американского сотрудничества на 1999/2000 гг.

Книга адресована российским и американским ученым, педагогам, деятелям культуры, участвовавшим в программах российско-американского сотрудничества, а также тем, кто собирается принять участие в этих программах.

Редколлегия:

А. Барабашев (*главный редактор, редактор-составитель 1-й части*),

А. Ягола (*редактор-составитель 2-й части*),

М. Калашникова (*редактор-составитель 3-й части*),

Н. Митусова (*редактор-составитель 4-й части*),

Т. Токарева (*отв. секретарь редколлегии*),

Г. Левина (*член редколлегии*)

Е. Алексеева (*член редколлегии*)

Научное издание

Коллектив авторов

ПРОФЕССИОНАЛЫ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО

Сдано в набор 20.08.98. Подписано в печать 30.10.98.

Формат 60x88/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Уч.-изд л. 23,75. Физ.п.л. 24. Тираж 1 000. Заказ № 6542

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ

140010, Люберцы, Октябрьский проспект, 403, т. 554-21-86

«Янус-К».

Лицензия на издательскую деятельность № ЛР 064784 от 02.10.96.

0304000000 - 014
П 22Н(03) - 98 Без объявл.

© Коллектив авторов, 1998

ISBN 5-8037-0019-3

Андрей Кибрик,
Фулбрайт, г. Москва

**Полевая лингвистическая работа
на Аляске: исследования
верхнекускоквимского
атабаскского языка**

1. Вводные замечания В 1996–97 гг. я был стажером программы Фулбрайт в университетах штатов Орегон и Аляска. На Аляске я был официально «прикреплен» к Центру по исследованию коренных языков Аляски при университете в городе Фэрбэнксе. Большую часть времени, отведенного на мое пребывание на Аляске, я провел не на университетском кампусе, а в «поле» — в глухой аляскинской деревне Николай, где говорят (точнее, еще говорят) на так называемом *верхнекускоквимском языке* (Upper Kuskokwim Athabaskan). Верхнекускоквимский язык относится к атабаскской языковой семье. Я занимаюсь атабаскскими языками уже более 10 лет, поэтому начать исследование нового языка этой семьи было для меня чрезвычайно интересно. Весной и летом 1997 г. я провел в Николае более 3 месяцев. Данный очерк представляет собой краткий отчет об этой работе¹⁾.

2. Верхнекускоквимский язык Это одна из крупнейших семей Северной Америки, распространенная в трех географически разделенных ареалах — на северо-западе континента (Аляска и западная Канада; языки дена'ина, коюкон, кутчин, слейви, чипевайан, сарси и мн. др.), в небольшом ареале тихоокеанского побережья (северная Калифорния и южный Орегон; языки хупа, толова и др.) и на юго-западе США (апачские языки, навахо). Атабаскская семья входит в макросемью на-дене вместе с языками эяк и тлингит.

Верхнекускоквимский язык (Upper Kuskokwim Athabaskan) — один из 11 атабаскских языков Аляски [1]. Этот язык был идентифицирован как особый язык, отличный от соседних языков ингалик, коюкон, дена'ина и танана, М. Крауссом и Р. Коллинзом в начале 1960-х гг. Верхнекускоквимский атабаскский язык (далее — ВКА) распространен в верхнем течении реки Кускоквим, в глубине Аляски, главным образом в деревнях Николай и Телайда. ВКА относится к

1) Моя работа по верхнекускоквимскому языку была морально и финансово поддержана Центром по изучению языков Аляски. Дополнительное финансирование было получено от фондов Jacobs Research Funds, Endangered Language Fund и Phillips Fund of the American Philosophical Society. Я приношу глубокую благодарность всем организациям, оказавшим мне поддержку, а также моим коллегам с Аляски, особенно Джеймсу Кари, Рэю Коллинзу и Майклу Крауссу.

сравнительно малоизученным атабаскским языкам Аляски; основным источником сведений о нем является публикация [2].

3. Социолингвистические и культурологические сведения Верхнекускоквимцы — немногочисленный этнос, даже по масштабам атабаскских племен Аляски. В настоящее время насчитывается около двух сотен людей (всех возрастов), связанных по происхождению с верхнекускоквимским племенем. Вряд ли их численность когда-либо существенно превышала эту цифру. Большинство верхнекускоквимцев — смешанного происхождения, в особенности это касается детей, типично имеющих индейскую мать и белого отца. Носителей ВКА насчитывается около трех-четырёх десятков. Подавляющее большинство их старше 50 лет, есть лишь 3-4 носителя из 40-летнего и 30-летнего поколений.

Полный переход с ВКА на английский в верхнекускоквимской общине произошел необычайно быстро, в течение 15-20 лет. В 1948 г. в деревне Николай открылась миссионерская школа; до этого времени английский язык верхнекускоквимцами не использовался и был им практически неизвестен. Но уже в 1960-е гг., когда родились и росли дети людей, прошедших миссионерскую школу, начался массовый отказ от ВКА. Дети воспитывались уже на английском языке, и в результате ВКА как семейный язык был отвергнут. В течение 1960–70-х гг. ВКА еще довольно активно использовался старшим поколением. В настоящее время осталось, по-видимому, три супружеских пары, продолжающие повседневно использовать ВКА (наряду с английским).

Традиционно верхнекускоквимцы были таежными кочевниками. Начиная с 1830-х годов они начали подвергаться культурному влиянию русских. Это влияние сыграло краеугольную роль при формировании современного верхнекускоквимского этноса. Православие, которое было, по-видимому, поголовно принято верхнекускоквимцами к середине XIX века, составляет сейчас единственный зримый компонент их традиционной культуры. В ВКА насчитывается около 70 лексических заимствований из русского языка — непосредственных или через посредство других местных языков (атабаскских или эскимосского). Русский (точнее, церковнославянский) язык используется старшим поколением как культовый — язык церковных песнопений.

С конца XIX века существует деревня Николай, которая в течение XX века стала центром притяжения членов верхнекускоквимской общины. В настоящее время в Николае живет от 80 до 100 человек, из которых 10-15 не являются коренными местными жителями. В

Николае есть шесть основных индейских фамилий: Николай, Деннис, Исай, Григори, Петруска (рус. <Петрушка>) и Алексиа (последняя фамилия была принесена пришлым эскимосом, женившимся на кускоквимской женщине). Другие известные верхнекускоквимские фамилии: Сесуй (рус. <Сысой>), Илуска (рус. <Илюшка>), Диафон, Васили, Питка (рус. <Петька>). Все эти фамилии стали употребляться как собственно родовые имена (а не как просто отчества) с 1920-х или 1930-х гг.

С начала 1970-х гг. ВКА преподается в николайской школе как предмет. Однако это ни в коей мере не остановило умирание языка. Напротив, для нынешних молодых верхнекускоквимцев родной язык — это несколько десятков названий птиц и зверей, выученных на уроках, а вовсе не средство коммуникации.

4. Фонетика и диалектное варьирование

В настоящем очерке используется стандартная орфография ВКА, разработанная в 1960-е гг. Р. Коллинзом. В тех случаях, когда фонетическое содержание символа неочевидно, в квадратных скобках приводится более стандартное обозначение соответствующего звука.

Система фонем ВКА достаточно хорошо известна еще из описания [2]. Среди атабаскских языков Аляски она одна из наиболее консервативных и отражает большинство протоатабаскских фонологических противопоставлений. Имеется 6 гласных фонем, в том числе 4 полных: а [á], о, е [i], и. Имеется также две редуцированных гласных, простая и лабиализованная: i [ê] и w-[ɔ]. Различается 6 рядов шумных согласных, из них 5 переднеязычных: межзубные (например, s), зубные (s), ретрофлексные (sr), альвеолярные (sh), латералы (l). В каждом из этих 5 рядов переднеязычных есть аффрикаты и фрикативные согласные. В зубном ряду есть не только аффрикаты, но и собственно смычные. В заднеязычном ряду, напротив, есть смычные, но не аффрикаты. Смычные и аффрикаты в каждом ряду представлены сериями из трех фонем: слабопридыхательной (глухой), абруптивной и простой (звонкой); например, ретрофлексные аффрикаты: tr, tr', dr. Фрикативы представлены во всех рядах шумных; они бывают глухие и звонкие (например, sr и zr). Сонорные и глайды: m, n, nh (глухое n), n' (абруптивное n), l, y [j], y' (абруптивное y), смычка '.

При небольшом числе носителей ВКА, к тому же проживающих в течение полувека в тесном общении, отмечается удивительное диалектное разнообразие, проявляющееся, в первую очередь, в

отражении протоатабаскских рядов переднеязычных. Наиболее консервативный диалект, представленный в семьях Исая и Петруска, сохраняет оппозицию всех четырех рядов: межзубных, зубных, ретрофлексных и альвеолярных. «Нормативный» диалект, принятый за основу в словаре [2], наиболее характерный для семьи Деннис и типичный для молодых носителей всех семей, утратил противопоставление межзубных и зубных. Диалект двух старейших носителей ВКА, проживающих в деревне Николай, — Бобби Исая и Анны Алексиа — смешивает ряды зубных и ретрофлексных, причем Анна смешивает с ними и ряд межзубных (но не по причине отсутствия зубов!). А в диалекте семьи Николай ряд зубных непоследовательно смешивается с рядом альвеолярных. Некоторые примеры приведены в табл. 1. Клетки, демонстрирующие инновации (смещения рядов), заштрихованы.

Таблица 1

Диалектное отражение переднеязычных шумных

Ряд	Значение	ДИАЛЕКТ			
		«Консервативный»	Анна Алексиа	«Нормативный»	Семья Николай
Межзубные	'мой язык'	sitsula'			sitsula'
Зубные	'снег'	tseti'	tseti'	tseti'	cheti'
Ретрофлексные	'ворон'	dotron'	dotson'	dotron'	dotron'
Альвеолярные	'палка'	dichinh	dichinh	dichinh	dichinh

Вероятно, такое диалектное разнообразие, сопоставимое по масштабу с межъязыковым варьированием на Аляске, обусловлено тем, что до середины XX века верхнекускоквимские семьи жили весьма обособленно друг от друга, а начало их плотного контакта в Николае почти совпало по времени с началом умирания их языка. Поэтому быстрое диалектное разнообразие фактически законсервировалось и достаточно хорошо отражается даже сохранившимися «осколками».

Многие атабаскские языки характеризуются тоновыми системами. Чаще всего встречается простая система: гласная может характеризоваться либо высоким, либо низким тоном. При этом наблюдается зеркальное соответствие между различными языками: высокий тон в языках группы А соответствует низкому тону в языках группы Б, и наоборот. Согласно гипотезе М. Краусса и Дж. Лира [3], лежащая в основе характеристика не была тональной. В протоатабаскском языке встречалась просодическая ларингализация («констрикция») гласных, которая в некоторых языках получила отражение в виде высокого тона, а в некоторых — в виде низкого. Соответственно, неларингализованные гласные получают противоположный тон,

который является немаркированным.) Всякий исследуемый атабаскский язык, естественно, должен быть исследован с этой точки зрения: является ли он «низкотоновым» (т.е. отражает исходную констракцию как низкий тон), высокотоновым или нейтральным (т.е. утратил данную характеристику).

Ответ на этот вопрос для ВКА оказался нетривиальным по следующим причинам. Во-первых, тоновая система в ВКА явно была, но находится на стадии разложения и сохранилась лишь фрагментарно. Во-вторых, имеется значительное диалектное (или идиолектное) варьирование: более молодые и некоторые пожилые носители не показывают никаких признаков тоновой системы. В-третьих, некоторые носители демонстрируют остатки тоновой системы в именах, но не в глаголах, другие, напротив, в глаголах, но не в именах. Наконец, в-четвертых, даже носители, относительно хорошо сохранившие тоны, пользуются «смешанной» системой, обладающей признаками и «низко-», и «высокотонной». Например, уже цитировавшееся слово *sitsula* 'мой язык' в протоатабаскском имело констракцию на корне (-*tsul*-), а посессивный суффикс -*a*', оканчивающийся на глоттальную смычку, также имеет констракцию по определению. Поэтому тональный контур данного слова в языках с маркированным низким тоном (например, в танана, ближайшем родственнике ВКА) выглядит так: / \ \ . В языках же с маркированным высоким тоном (например, танакросс) выглядит, наоборот, так: \ / / . Два носителя ВКА, наиболее хорошо демонстрирующие тональные явления в именах, тонируют слово *sitsula* так: / \ / . То есть, исходно маркированный корень получает низкий тон, но конечный слог с синхронно сохранившейся смычкой — высокий тон. Данная система представляет значительный интерес для сравнительно-исторического исследования атабаскских языков и нуждается в дальнейшем осмыслении.

Было проведено инструментальное компьютерное исследование тонов и других просодических явлений ВКА, т.е. выводы относительно тональной маркировки базируются не только на перцептивных, но и на объективных акустических фактах.

5. Грамматика

Грамматика ВКА в целом сходна с грамматикой других атабаскских языков Аляски, особенно географически близких. Проблема состоит в том, что ни одного подробного грамматического описания какого-либо аляскинского атабаскского языка не существует. Наиболее подробно описан язык атна в предисловии к словарю [4], но лишь в области определенных аспектов глагольной морфологии. Еще одна проблема состоит в том, что специалисты по атабаскским языкам за последние шестьдесят лет выработали своеобразную терминологию,

фактически недоступную лингвистам других специализаций, поэтому даже существующие описания не всегда интерпретируемы для «сторонних» читателей. Поэтому здесь уместна краткая характеристика грамматики ВКА.

5.1. Морфосинтаксический тип.

Как и другие атабаскские языки, ВКА является полисинтетическим языком, то есть в составе глагольной словоформы выражается большее количество различных семантических категорий, чем в среднем в языках мира. В частности, в составе глагола выражаются предикатно-аргументные отношения; ВКА является языком с местоименными аргументами (см. ниже) и, шире, языком с маркированием вершинного элемента (Nichols 1986). Для языков такого типа практически бесполезно разграничение между морфологией и синтаксисом, имеет смысл говорить о морфосинтаксисе в целом. Если все же стремиться к разграничению синтаксиса и морфологии, то следовало бы сказать, что в языках такого типа практически все — морфология, а синтаксис весьма вырожден и тривиален (аналогично тому, как в изолирующих языках синтаксис — все, а морфология вырожденна).

5.2. Имя.

В ВКА достаточно четко выделяются следующие части речи: глагол, имя (существительное), несколько классов частиц. Имя обладает категорией принадлежности: многие имена могут, а некоторые должны содержать префиксы, показывающие лицо посессора, а также в ряде случаев суффикс -*a*', показывающий наличие посессивной связи. Ср. ¹⁾:

(1) a.	<i>dil</i> 'кровь'	<i>mi-dil-a</i> 'его кровь'
		3-кровь-Пос
	b. <i>mi-zo</i> 'его рот'	(неотторжимая принадлежность)
	3-рот	

5.3. Глагол.

Глагольная словоформа устроена несоизмеримо более сложно. В атабаскской лингвистике принято представлять структуру глагола с помощью линейной порядковой модели, содержащей обычно от 10 до 30 последовательных позиций, в зависимости от языка и принципов описания. Модель такого типа имеет некоторые недостатки, но обладает описательной простотой и достаточно адекватна для целей данного очерка. Ниже приводится весьма упрощенная порядковая модель для глагола ВКА, включающая 13 основных позиций, некоторые из которых содержат несколько подпозиций. Большинство этих позиций префиксальные (это фундаментальная черта атабаскских языков). Счет позиций начинается от корня, причем префиксальные позиции нумеруются положительными номерами, суффиксальные —

1) Список сокращений, используемых в поморфемных переводах, в конце статьи.

отрицательными. В табл. 2 ниже приводятся примеры морфем, способных заполнять каждую позицию (в большинстве случаев это именно примеры, а не исчерпывающие списки).

Таблица 2

Порядковая модель глагольной словоформы

Позиция / зона	Подпозиция		Примеры морфем
9 Превербь	Б	Местоимения	как <i>аккузативные ниже</i>
	А	Маркеры косвенных падежей	с, в -'i- для -mo-
8 Локативы / дирекционалы			через, поперек no- из, наружу tse-
7 Итератив / реверсив			no-
6 Инкорпорированные корни			рука lo- голова tse- вода tu- камень tsa-
5 Местоимения	В	Датив	как <i>аккузативные ниже</i>
	Б	Аккузатив	1Ед s- 2Мн ywh-/nwh- 3 Ø-/y-/m- Возвр ho- 1Мн ts'- 3Мн h-
	А	Номинатив	
4 Квалификаторы	Б	Род	древесное d- округлое n-
	А	Инцептив	t-
3	В	Отрицание	z-
	Б	Модус	терминатив n- прогрессив gh- оптатив ghw-
	А	Перфектив	N-
2 Номинативные местоимения 1/2 лица			1Ед s- 2Ед e(n)- 2Мн wh-
1 Индикаторы переходности			понижение d- повышение t- повышение x понижение l-
0 КОРЕНЬ			
-1 Спряжение	А	Модус	прогрессив -t
	Б	Отрицание	<i>озвончение</i>
-2 Номинализаторы			чел. Ед. -inh неодуш. -ye
-3 Эмфаза / неаффирмативность		Отрицание	-ts'e'
		Вопрос	-'e

Разумеется, в конкретных употреблениях глаголов все эти позиции не реализуются одновременно. Обычно глагольная словоформа в естественном дискурсе содержит не более 5–7 ненулевых морфем. Стаивные глаголы (соответствующие прилагательным других языков) имеют более простую структуру и допускают меньшее число категорий. Ниже кратко обозреваются особенности морфем, выступающих в наиболее важных морфологических позициях.

Позиция 0: корень. Все глагольные корни имеют фонемную структуру CV или CVC. Корни имеют весьма абстрактную базовую семантику, которая может сильно модифицироваться, в особенности под влиянием аффиксов позиций 1, 4, 8, 9. Кроме того, с малой длиной корня связана и часто встречающаяся видимая омонимия корневых морфем, которая при более глубоком анализе (историческом или даже синхронном) может быть в значительной степени устранена.

ВКА, как и другие атабаскские языки [5], очень чувствителен к семантическим деривациям, связанным с переходностью. Такие деривации, как правило, имеют самостоятельные средства выражения и в дополнение к тому маркируются специальной морфемой в **позиции 1 (индикатор переходности)**. Наиболее распространенная деривация, приводящая к повышению переходности — каузатив:

- (2) *dui da-z-Ø-k'wn'* *dui da-zi-t-k'wn'*
дрова Род-Компл-ИП-гореть дроваРод-Компл-[1Ед/Ном-]ИП↑-гореть
'дрова горят' 'я зажег дрова'

Если исходный глагол уже переходный, то при образовании каузатива появляется специальный маркер дативного аргумента (т.е. каузируемого лица):

- (3) *ch'i-Ø-yonh* *yi-ch'i-t-yonh*
Неопр/Акк-ИП-есть 3/Дат-Неопр/Акк-ИП↑-есть
'он ест (что-то)' 'она кормит его (чем-то)'

В ВКА имеется целый ряд дериваций, понижающих переходность: антикаузатив, медий, пассив, антипассив, рефлексив, реципрок, автобенефактив, реверсив, итератив, пациентный атрибутив, перамбулатив. Вот некоторые примеры.

- (4) Рефлексив *ts'i-n-e-t-'anh* *ho-ts'i-ni-l-'anh*
1Мн/Ном-Терм-Перф-ИП↑-видеть Возвр/Акк-1Мн/Ном-Терм-ИП↓-видеть
'мы видим, его' 'мы видим себя'

- (5) Реверсив (префикс *po-* в позиции 7)
 luk'a zi-Ø-gwnh no-da-zi-s-di-gwnh
 рыба Компл-ИП-сохнуть Рев-Преф-Компл-1Ед/Ном-ИП↓-сохнуть
 'рыба высохла' 'я высох (букв. обратно)'
- (6) Перамбулатив
 ni-s-Ø-yo k'o-zi-s-di-yo
 Терм-1Ед/Ном-ИП-ходить вокруг-Компл-1Ед/Ном-ИП↓-ходить
 'я пришел' 'я ходил вокруг, там и сям'
- (7) Автобенефактив
 duɪ di-l-josh duɪ di-l-josh
 дрова Преф-ИП↑-колоть дрова Преф-ИП↑-колоть
 'он колет дрова' 'он колет дрова для себя'

Позиция -1: суффиксы спряжения. Количество суффиксальных формантов в этой позиции невелико, все они моноконсонантны и при этом настолько полифункциональны, что во многих описаниях атабаскских языков они интерпретировались как часть корня. В настоящее время последовательность «корень + суффикс позиции -1» обычно именуют основой; корень может выступать в виде нескольких основ. Достаточно ясно суффиксы видны лишь после корней, заканчивающихся на гласную. Наиболее часто встречаются суффиксы -sh (встречается в основном в имперфективе), -nh (перфектив), -l (прогрессив). В отрицательных формах происходит озвончение конечной согласной.

Позиция 3: префиксы спряжения. Фактически это не одна позиция, а «зона» [4], в которой выделяется несколько подпозиций: (А) древний атабаскский префикс перфектива, обозначаемый здесь как N- и проявляющийся лишь в некоторых классах форм; (Б) группа видовых морфем gh-, n-, z-, а также префикс оппозитива ghw-; традиционно эта комплексная категория именуется «модус»; (В) префикс отрицания неперфектива z-. Аффиксы позиций -1 и 3 могут быть проиллюстрированы следующими примерами.

- (8) а. Положительный терминативный имперфектив
 ni-s-ma-sh
 Терм-1Ед/Ном-плыть-Имперф
 'я подплываю'
- б. Положительный терминативный перфектив
 n-e-Ø-ma-nh
 Терм-Перф-3/Ном-плыть-Перф
 'он приплыл'

- в. Положительный инцептивный прогрессив (= будущее время)
 ti-ghi-s-ma-l
 Инц-Прог-1Ед/Ном-плыть-Прог
 'я поплыву'
- г. Отрицательный инцептивный прогрессив (= будущее время)
 ti-z-ghi-s-ma-l
 Инц-Отр-Прог-1Ед/Ном-плыть-Прог:Отр
 'я не поплыву'

Легко видеть, что между функциями и формой в ВКА далеко нет взаимно-однозначного соответствия. Например, значение времени передается совокупно несколькими морфемами, имеющими разную прототипическую функцию. С другой стороны, имеется дублирование кофункциональных морфем в разных позициях — так, отрицание маркируется трижды: префиксом z-, озвончением финали основы (см. (8г)), а также, как правило, энклитикой -ts'e' в позиции -3. В последнее время, впрочем, это тройное маркирование имеет тенденцию заменяться одинарным: к положительной словоформе присоединяется заимствованная из английского проклитика *po*.

Позиция 4: квалификаторы. В этой позиции, а точнее, зоне, встречаются наиболее разнородные префиксы. Пример употребления инцептивного префикса см. в (8г) выше. Другие продуктивные префиксы этой зоны — так называемые «родовые», обозначающие лексико-семантический класс абсолютного (фактитивного) аргумента. Два наиболее ясных рода имеют форманты d- и n-. Род d- объединяет слова и концепты, группирующиеся вокруг дерева и древесины: деревья и их части, растения, растущие части тела (волосы, рога), деревянные предметы. Род n- объединяет округлые компактные дробные предметы — ягоды, галька, петли веревки. Ср.:

- (9) а. jise ghi-s-'o-l
 часы Прог-1Ед/Ном-нести.компактный.предмет-Прог
 'я несу часы'
- б. tsasja di-ghi-s-'o-l
 чашка Род-Прог-1Ед/Ном-нести.компактный.предмет-Прог
 'я несу чашку'
- в. jija ni-ghi-s-'o-l
 ягода Род-1Ед/Ном-нести.компактный.предмет-Прог
 'я несу ягоду'

Позиции 2 и 5: местоимения. Все ядерные аргументы глагола маркируются в составе глагольной словоформы. Позиции, в которые

помещаются эти маркеры, являются функциональными аналогами русских падежей. ВКА, как и другие атабаскские языки, имеет аккумулятивное ролевое оформление. Принципал противопоставлен Пациенту [6]. ВКА не является реляционным языком — между падежным маркированием и гиперролями нет интерфейса в виде синтаксических отношений. Принципал всегда маркируется в номинативных позициях, Пациентив — в аккумулятивной позиции. Позиция 2 эквивалентна номинативу и устроена достаточно просто; в ней используются только показатели 1-го лица ед. числа и 2-го лица. Номинативная позиция для всех прочих местоимений — 5А. В ней маркируются местоимения 3 лица, неопределенные и некоторые другие местоимения, а также местоимение 1-го лица множественного числа ts'-, которое этимологически связано с морфемами неопределенной референции.

В аккумулятивную позицию 5Б помещаются все местоимения, маркирующие Пациентив, — личные, неопределенные, возвратные. Примеры см. выше — (2) и сл. Замечу, что местоимения 3-го лица ед. числа во многих случаях выступают в нулевой форме; это касается всех употреблений в номинативной позиции и некоторых — в аккумулятивной.

В дативной позиции 5В могут находиться маркеры третьего аргумента глагола, в частности, каузируемого лица (в каузативах от переходного глагола); см. пример (3) выше.

Местоименные элементы, содержащиеся внутри глагольной словоформы, не являются простыми маркерами согласования с аргументами. Они сами являются аргументами глагола. Автономные именные группы, если они присутствуют, находятся в слабой синтаксической связи с глаголом, выступая в качестве антецедентов встроенных местоимений.

Позиция 6: инкорпорированные корни. Эту позицию могут занимать многие именные корни, хотя инкорпорация встречается не очень часто и не слишком продуктивна. В переходные глаголы инкорпорированы корни, обозначающие пациенс. Например, значение 'они вынимали землю из ямы' может быть передано без инкорпорации (10а) либо с инкорпорацией корня 'земля' (10б):

- (10) а. tats ho-hi-gh-e-lo
земля из.углубления-3Мн/Ном-Прог-Перф-нести.массивные.предметы
- б. ho-tats-hi-gh-e-lo
из.углубления-земля-3Мн/Ном-Прог-Перф-нести.массивные.предметы

Часто инкорпорированы имена частей тела:

- (11) yigi-tse-ta-z-t'onh
Преф-голова-Преф-Компл-ИП↓:двигать.округлый.предмет
'он кивнул головой'

В непереходных глаголах инкорпорированные имена частей тела могут иметь роль локатива:

- (12) guga' si-lo-do-l-ninh
младенец 1Ед-рука-Преф:Прог-ИП↑↓-падать
'младенец выпал у меня из рук'

Позиция 8: локативы / дирекционалы. В этой позиции встречаются десятки различных морфем, например, k'o- 'вокруг, там и сям, туда и обратно' из примера (6), или ho- 'из углубления' из примера (10). В позиции 8 часто встречаются несколько последовательных префиксов.

Позиция 9: превербь. Традиционно морфемы данного класса именуются послелогом. Они представляют собой маркеры ролей ядерных аргументов и сирконстантов. Исторически они действительно являются послелогом — энклитиками при именных группах, и в ВКА в большинстве случаев сохраняют такое употребление. Однако отмечается тенденция их инкорпорации в глагольную словоформу, причем в этом случае инкорпорирован сразу пара морфем: косвенно-падежный показатель ролевого отношения и предшествующий ему референциальный маркер (местоимение):

- (13) mi-k'its'-ts'-i-z-do-ye
3/Косв-на-1Мн/Ном-Компл-сидеть-Рел
'стул (букв. то, на чем мы сидим)'

Последний пример также иллюстрирует употребление релятивизатора -ye (позиция -2), превращающего предикацию в именную группу.

5.4. Были исследованы и многие другие морфосинтаксические вопросы: бытийные конструкции, типология стивных глаголов, сложноподчиненные и сочинительные конструкции, порядок слов, выбор между конкурирующими референциальными формами, вопросительные конструкции и мн. др.

6. Дискурс

В 1970–80-е гг. был записан ряд текстов на ВКА, в том числе некоторые традиционные нарративы. В настоящее время, к сожалению, традиционных рассказчиков практически не осталось, поэтому оказалось возможным записать лишь личные рассказы. Большая их часть была

затранскрибирована и переведена с помощью информанта. Были также сделаны попытки записать диалогический дискурс. Хотя в естественных условиях это уже не представляется возможным, были организованы специальные «разговорные» встречи для носителей языка. Несмотря на частое переключение на английский язык, удалось зафиксировать довольно пространные образцы диалога на ВКА, которые далее также были затранскрибированы и переведены. Аналогичных записей для других атабаскских языков существует очень мало.

7. Заключение

В этом кратком очерке я не ставил задачи передать всю сложность и загадочность грамматической системы ВКА. Даже напротив, приведенные примеры были подобраны таким образом, чтобы проиллюстрировать упомянутые грамматические явления в наиболее элементарном и, так сказать, агглютинативном виде.

С точки зрения основных типологических параметров атрибуция ВКА не представляет больших затруднений. Это язык с вершинным маркированием, аккумулятивный, нереляционный, с базисным порядком SOV. Тем не менее, атабаскские языки представляются чрезвычайно экзотичными в масштабе языкового разнообразия Старого Света. В то же время, как отмечал энциклопедический знаток американских языков Э. Сепир, атабаскские языки — самые неамериканские языки в Америке. Иными словами, атабаскские языки совершенно уникальны и чрезвычайно трудны для интерпретации методами современной лингвистики и типологии.

Вот несколько загадок из числа тех, которые ставит перед исследователем ВКА (как, впрочем, и другие атабаскские языки).

1) Одна и та же функция разнесена по разным морфологическим позициям. Например, модус маркируется и суффиксом, и префиксом в позиции 3.

2) Явно значимые морфемы то появляются, то отсутствуют в зависимости от совершенно непредсказуемых обстоятельств. Например, перфективная морфема N- (в поверхностной структуре выглядящая обычно как /e/) не проявляется в глагольных формах с ИП↓ (т.е. d-, l-) — ср. две словоформы в примере (4) выше. Однако и в формах с ИП Ø-, l эта морфема присутствует не всегда — ср. форму 3 лица n-e-yo 'он пришел', где перфективная морфема есть, с формой 1-го лица ni-suo 'я пришел', где она отсутствует.

3) Многие морфемы характеризуются необычайной многозначностью — по крайней мере в тех трактовках их функций, которые

доступны на сегодняшний день. Например, условия употребления модальных суффиксов (позиция -1A) описываются в наиболее продвинутой на сегодняшний день интерпретации Дж. Карн [7, Р.199–200] в виде матрицы 22x6, в которой 8 фонологически различных суффиксов распределены как будто бы хаотическим образом.

4) При наличии очень большого фонемного инвентаря лишь малая его часть используется в грамматических морфемах. Те фонемы, которые используются в грамматических морфемах, в результате оказываются чрезвычайно многозначными — особенно это касается фонем n, d, z, gh. Поскольку определить, к какой морфологической позиции относится тот или иной сегмент, далеко не всегда просто, то и определить, какая из шести или восьми морфем с формой /n/ имеет место в данном случае, очень трудно.

5) Хотя в корнях могут встречаться любые фонемы, тем не менее имеется очень много омонимичных корней. Точнее, так это выглядит в существующих лексикографических описаниях.

Поскольку все эти и многие другие аналогичные загадки с небольшими вариациями повторяются в большинстве атабаскских языков, вероятно, они отражают конституирующие свойства этих языков, которые на сегодняшний день еще далеко не поняты. Не существует, по-видимому, и метаязыка, на котором можно было бы эффективно определить типологическую специфику атабаскских языков. Вероятно, ключ к пониманию этой специфики лежит в области лексической семантики глагольного корня. С точки зрения истории языковой эволюции атабаскские языки настолько далеки от европейского стандарта, насколько это вообще возможно для каких-либо языков мира. Поэтому концептуализация событий в атабаскских языках чрезвычайно отлична от стереотипов европоцентрического языкового сознания, от которых нам очень трудно отрешиться.

Список сокращений

Акк — аккумулятив	Мн — множественное число
Возвр — возвратное местоимение	Неопр — неопределенный референт
Ед — единственное число	Ном — номинатив
Имперф — имперфектив	Пос — маркер посессивности
Инц — инцептив	Перф — перфектив
ИП — индикатор переходности	Преф — префикс нерелевантного значения
(↑ — повышение, ↓ — понижение,	Прог — прогрессив
↑↓ — повышение × понижение)	Рев — реверсив
Компл — комплетив	Рел — релятивизатор
Косв — косвенный падеж	Терм — терминатив

Список литературы

1. *Krauss M.* Native peoples and languages of Alaska. (A map.) Fairbanks: ANLC. 1982.
2. *Collins R., Petruska B.* Dinak'i (Our words). Upper Kuskokwim Athabaskan Junior Dictionary. Anchorage: NBMDC. 1979.
3. *Krauss M.* Athabaskan tone. Unpublished paper. 1979.
4. *Kari J.* Ahtna Athabaskan Dictionary. Fairbanks: ANLC. 1990.
5. *Kibrik A.* Transitivity decrease in Navajo and Athabaskan: Actor-affecting propositional derivations // Athabaskan language studies // *E.Jelinek, S.Midgette, K.Rice and L.Saxon.* Albuquerque: UNM Press. 1996. P.259–304.
6. *Kibrik A.* Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // Linguistic typology. 1997. Vol.1. P.279–346.
7. *Kari J.* Athabaskan verb theme categories: Ahtna. Fairbanks: ANLC. 1979.